

12+

Владимир Владимирович
Мерссир
По пути Света и Тьмы

Владимир Мерссир

По пути Света и Тьмы

<https://litres.ru/74306419>

ISBN 9785007086264

Аннотация

Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями — абсолютно случайно.

Содержание

Звездочка	5
Глава №1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

По пути Света и Тьмы

Владимир

Владимирович Мерссир

Дизайнер обложки Владимир Владимирович Мерссир

© Владимир Владимирович Мерссир, 2026

© Владимир Владимирович Мерссир, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0070-8626-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звездочка

Глава №1

Двое сидели и смотрели во тьму, будто вглядывались не в лесную ночь, а в изнанку мира. Они могли так сидеть долго, погружённые в бесконечный ритм собственных мыслей, делились друг с другом разными идеями и ждали, когда кто-нибудь из них предложит мысль поинтереснее — о той или иной теории, способной приоткрыть завесу над чем-то большим, чем просто лес и муравьи.

Тот, что был старше, заговорил первым: в их лесу много муравейников, но этот — особенно странный, будто отмеченный невидимой печатью. «Сколько всего здесь постоянно происходит, — прошептал он, — и не всё из этого можно увидеть обычным взглядом». Он принялся рассказывать о том, какие события разворачиваются в муравейнике — не просто о беготне насекомых, а о ритмах, что сплетаются в узоры, похожие на древние знаки. А его собеседница, слушая, то и дело перебивала, потому что в её голове вспыхивали образы, будто кто-то подталкивал её мысли извне. Он не обижался: её любопытство было ему по-настоящему дорого, ведь именно оно помогало удерживать тонкую грань между обыденным и тем, что шевелилось за ним.

Стоило ему только начать повествование об истории этого муравейника, о том, как он создавался будто не только из хвои и почвы, а из чего-то ещё — из тишины, из теней, из за-

бытых имён, — как она снова обрушивала на него шквал новых мыслей, словно эхо далёких голосов звучало у неё в голове. И вновь полностью его перебивала, а тьма вокруг будто вздыхала, соглашаясь с каждым её словом.

Тьма, окружавшая их, дарила им особое время — то самое, когда можно увидеть то, что на свету разглядеть невозможно. Она не просто стояла вокруг: она слушала. И не только их слова — она слушала сами мысли, будто могла различать их по вкусу и оттенку.

Очень интересные вещи начал говорить мыслитель, который был старше своей собеседницы. Его голос звучал так, словно слова рождались не в горле, а где-то глубже, в самой тишине между вдохами. Он иногда так глубоко вглядывался во тьму, что она, сама будучи тьмой, будто не могла поверить в эту глубину — словно перед ней открывалась трещина в нечто большее, чем она сама.

И каждый раз, когда он рассказывал о ней, тьма кружилась вокруг него медленными, почти осторожными спиралями, будто пыталась услышать себя со стороны. Она думала — если тьма вообще умеет думать — о том, как странно: столько лет быть собой и не замечать в себе этих слоёв, этих скрытых ритмов, этих отголосков чужих миров.

А потом рядом с ними тихо скрипнул табурет. Тьма поставила его сама — или кто-то, кто умел двигаться в ней без звука. На табурете сидела третья фигура — не то тень, не то воспоминание. Она склонила голову, прислушиваясь к обо-

им, и в её неподвижности было столько внимания, что даже воздух стал гуще. Теперь тьма слушала их троих — и, кажется, начинала понимать что-то новое о самой себе.

Тьма сидела на табурете — не потому, что ей нужно было опираться на что-то, а потому, что поза эта придавала весомость моменту, словно она хотела стать не просто присутствием, а собеседником. Она думала: как он знает так много о ней? Кто он такой, что видит в ней слои, которых она сама не различает? И эта малая — почему столько вопросов сыплет, будто пытается проколоть тьму иголками любопытства, добраться до того, что прячется глубже молчания?

Старший отвечал спокойно, не торопясь, будто каждое слово нужно было не просто произнести, а аккуратно положить на невидимую чашу весов. Его ответы были прямыми, но в них прятались новые вопросы — как крючки, на которые цеплялись следующие мысли. «Тьма — это не отсутствие, это память, которая не хочет вспоминать», — говорил он. «А почему она не хочет?» — тут же вставляла малая, и он улыбался краем губ: «Может, потому, что вспомнить — значит проснуться. А проснуться — значит исчезнуть».

Тьма начала запоминать весь разговор — не как набор звуков, а как узор, который можно было натянуть на пустоту, как ткань на раму. Сначала она пыталась удержать смысл в холоде своего безмолвия, но холод размывал слова, делал их бесцветными. Тогда она вытащила огромный блокнот — такой, что его корешок походил на срез древней скалы, а стра-

ницы хранили запах звёздной пыли. И начала рисовать его слова звёздочками.

Не буквами, не линиями — именно звёздочками: каждая — как точка опоры в бескрайнем, каждая — как маяк в её собственных дорогах. Потому что её ходы и дороги были проложены через звёзды: по ним она шла, ими она мерила расстояния между смыслами. Рисуя, она словно переводила человеческую речь на свой язык — язык расстояний, теней и долгих падений света. И с каждым штрихом тьма чувствовала, что начинает понимать не столько слова, сколько то, что между ними: тишину, которая их разделяет, и напряжение, которое их соединяет.

Тьма положила ногу на ногу и, подперев голову руками, застыла в этой почти человеческой позе — будто хотела примерить на себя саму возможность покоя. Она так пристально всматривалась в себя через его слова, что тьма внутри неё будто начала рябить, дрожать по краям, словно ткань, которую слишком сильно натянули. Она вглядывалась так отчаянно, так жадно, будто пыталась прочесть собственный узор, и от этого напряжения чуть не ослепла — не в человеческом смысле, а так, как слепнет бездна, когда ей показывают её отражение. И чуть не свалилась со стула: не потому, что потеряла равновесие, а потому, что сама опора под ней на миг перестала быть твёрдой — стул, казалось, поплыл в пустоте, как плот на невидимой реке.

Собеседники это заметили. Малая вздрогнула и подалась

вперёд, будто хотела схватить Тьму за рукав, которого не было. Старший посмотрел в сторону Тьмы — не просто взглянул, а будто попытался прочертить взглядом невидимую линию от себя к ней, чтобы понять, где кончается он и начинается она. Его глаза чуть сузились, в них мелькнуло то самое выражение, какое бывает у человека, который смотрит на древний символ и силится вспомнить его забытое значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.